

ПРАЗДНИК В ВАШЕМ ДОМЕ

Галина ТУБЕЛЬСКАЯ

Весенние именинники

Дорогие друзья!

Мы продолжаем рассказывать вам о детских писателях, чьи дни рождения было бы интересно отпраздновать в тех семьях, где много читают и у кого обязательно есть свои пристрастия в литературе. Впрочем, писатели, о которых сегодня пойдет речь, настолько увлекают своими произведениями и взрослых и маленьких читателей, что даже тот, кто до сих пор читать ленился, обязательно прочтет и об Алели из сказки Тамары Габбе «Оловянные кольца», и об Оцеоле — вожде семинолов — герое романа Майн Рида.

Итак, весной 2008 года исполняется 190 лет со дня рождения знаменитого английского писателя Томаса Майн Рида, автора романа, которым много лет увлекаются не только мальчишки, но и взрослые, — «Всадник без головы».

ТОМАС МАЙН РИД
1818—1883

Томас Майн Рид родился в апреле 1818 года в Ирландии. И отец, и дед, и прадед Тома были священниками. Священником должен был стать и Том. Но он учился в школе прекрасно по всем предметам, кроме... богословия. «Хочу быть барабанщиком, а не священником», — говорил он. Будущий писатель любил спорт и военные иг-

ры, и когда через городок проходил какой-нибудь полк, то рядом с барабанщиком, взбивая пыль босыми пятками, чеканил шаг маленький мальчик.

Отца не смущало, что Том был прекрасным стрелком, наездником, постоянным вожаком среди товарищей. Мальчика привлекала военная карьера, однако до поры приходилось выполнять волю родителей, и он усердно корпел над латинскими текстами, изучал греческий, историю и литературу.

Однако на экзаменах в духовную школу Том получил хорошие оценки по всем предметам, кроме богословия. Отец убедился в том, что священник из него не выйдет. Решено было отпустить юношу в Америку. Рида снабдили многими рекомендательными письмами к богатым знакомым, жившим в Нью-Орлеане. Корабль благополучно пересек Атлантику. И прежде чем судно вошло в порт, Том вынул из кармана все рекомендательные письма и бросил их в море. Он хотел быть обязанным только самому себе.

Позднее ему пришлось пожалеть о письмах: работу было найти нелегко, Томас голодал. Наконец он получил работу — сделался комиссионером по скупке рабов, но при первой же возможности от неё отделался. Он с ужасом увидел темнокожих людей, превращенных белыми негодяями в рабов и поставленных чуть ли не ниже домашних животных.

Ему предложили место заведующего складом оружия, инструментов и других предметов первой необходимости для охотников, рыболовов, следопытов. Он присматривался к этим людям, слушая их рассказы. Из всех профессий больше всего ему полюбилась профессия траппера — вольного охотника.

Вскоре он и сам стал вести бродячую жизнь. Из охотника он становится учителем, из учителя — странствующим актером, из актера — корреспондентом. Его статьи и очерки оказались очень удачными. Он стал журналистом. И как все начинающие писатели, начал со стихов. Он даже придумал себе звучный поэтический псевдоним — Бедный школяр.

Когда Томасу Майн Риду был тридцать один год, он встретил совсем юную девочку, только что покинувшую пансион, — Элизабет Хайд. Он влюбился в неё, а через два года женился. Это оказалось любовью на всю жизнь. Женщина всегда преданно заботилась о муже и написала о нём прекрасную книгу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида». Эта книга была издана в России очень давно — в 1890 году и, к сожалению, с тех пор не переиздавалась.

Некоторое время он жил в Филадельфии, но спокойная жизнь была ему неинтересна, и как только началась война США с Мексикой, он стал вольнонаемным офицером.

В армии он славился отвагой, красотой и искусством в верховой езде. В одной статье его описывали как смесь «Адониса с Аполлоном Бельведерским с примесью кентавра».

Во время кровопролитного боя он был тяжело ранен в бедро и долго лежал среди убитых на поле битвы, пока его не нашли и не отправили в госпиталь. Распространи-

лось известие о его смерти, в газетах появились некрологи, одна поэтесса написала стихи, посвященные его памяти. Впоследствии писатель, никогда не терявший чувства юмора, называл себя «человеком, который умер дважды».

Едва подлечившись, он пытался принять участие в революциях, происходивших в это время в Европе, но, к счастью, не успел.

Вскоре в печати появились его первые романы — «Вольные стрелки» и «Охотники за скальпами». Романы охотно печатались в Англии и очень скоро были переведены на французский язык.

Бунтарь и вольнолюбец по натуре, Рид и своих героев создавал такими же. Его герои — отважные, свободолюбивые и благородные люди, борющиеся с несправедливостью, смело отстаивающие человеческое достоинство и свое право на счастье.

Местом действия в романах чаще всего становилась Америка. Самый популярный роман Рида — «Всадник без головы».

В США в те годы был чрезвычайно популярен писатель Эдгар По. Особенной известностью пользовались его «страшные рассказы», полные всяких ужасов. Эдгар По многое подсказал своему молодому другу, которого пленяла мрачная таинственность его рассказов.

С первых же страниц романа «Всадник без головы» читателя поражает жуткая картина, изображенная в прологе. Затем следует обыкновенный приключенческий роман с погонями, выстрелами, несправедливыми обвинениями. И только через несколько страниц появляется страшный «всадник без головы». Постепенно читатель начинает подозревать разгадку, но вполне открывается тайна лишь в конце.

Но Рид не слепо подражает Эдгару По. Ему тайна нужна была лишь для того, чтобы роман стал увлекательнее.

И «Всадник без головы» увлекает не только мастерски построенным сюжетом, но и разнообразными картинками жизни Техаса. Он рассказывает о реальной жизни этого края, о полудиких нравах, которые наблюдал сам, о плантаторах, укро-

тителях диких мустангов, следопытах.

Один из главных героев — долговязый, добродушный следопыт Зеб Стумп. Он меткий охотник и верный друг. Его товарища, мустангера, обвиняют в убийстве, имеется целый ряд косвенных улик, дело очень запутанное, мустангеру грозит смерть. Его нужно спасти. И Зеб Стумп принимается за дело очень осторожно и в то же время очень энергично. Следы лошадей в прерии, сломанная подкова, полуобгорелый пыж, меченая пуля — всё это помогает ему восстановить истинную картину преступления. Невинный оправдан.

И не только в этом романе мы видим подлинных героев.

И в других романах писателя заброшенный в бескрайние просторы пустынь, степей или дикие горы герой готов прийти на помощь тому, кто в нём нуждается. Даже ценой собственной жизни.

Писатель постоянно затрагивал важные общественные вопросы. Он пламенный сторонник освобождения негров, защитник индейских племен, истребляемых белыми, он искренне сочувствует мексиканским пеонам, ирландцам, итальянским крестьянам, французским рабочим. Касаясь в некоторых своих романах революционного движения в Европе, он выступает на стороне восставших. Роман «Белая перчатка» посвящен событиям английской революции XVII века, и особенно полон отголосков революции 1848 года роман «Жена-дитя».

Он осуждает власть денег в таких романах, как «Квартеронка», сильных своим протестом против расового гнёта. «Оцеола — вождь семинолов», «Белый вождь», «Золотой браслет» — романы о борьбе индейцев против американских и испанских колонизаторов. Да и «Всадник без головы» изображает грабительское освоение Техаса американцами.

Дальние края, странствия, борьба с трудностями, необычный мир — таковы черты приключенческого жанра, который выбрал себе писатель. Края, в которых происходит действие романов, были ещё мало изучены. Рид создает романы путе-

Оцеола

шествий, картины природы, жизни животных. В этих романах он становится и ученым. Его наблюдения над жизнью животных иногда бывали настолько достоверными, что даже есть вид медведей, названных именем Рида, впервые с необычайной точностью описавшего повадки этого животного.

В самом знаменитом романе Рида «Всадник без головы» благородный и простодушный мустангер Морис борется за свою любовь — дочь плантатора Пойндекстера Луизу. Она креолка — полуйспанка и полуфранцуженка. Все эти детали в романе были очень важны, потому что американская нация еще только формировалась, и это отражалось не только в пределах страны, но и в жизни почти каждой семьи.

Образ Мориса был оригинальным созданием писателя. Он ковбой, скотовод. Со временем такие герои создали в Америке целую ковбойскую литературу.

В 70-е годы в нашей стране режиссером Владимиром Вайнштоком был поставлен замечательный фильм по роману Рида «Всадник без головы». Пожалуй, именно в этом фильме образы экранных героев совпадают с их изображением на страницах романа. Персонажей знаменитого романа играют российские и кубинские актеры. Вайншток старался сохранить сам дух произведения Рида. В старом романе он нашел не только рассказ о загадочном убийстве, не только историю любви отважного ирландца Мориса Джеральда к Луизе Пойндекстер, но и выразительные картины жизни Техаса в середине XIX века, когда Соединенные Штаты Америки в результате кровопролитной войны с Мексикой захватили огромные территории и стали приводить их жителей к повиновению. Перед нами

развертывается картина бескрайних прерий: мчатся табуны мустангов, враги преследуют друг друга, обмениваясь в бешеном галопе выстрелами, в вечерних сумерках растворяется фигура неуловимого всадника без головы. Всё то, что волновало первых читателей романа, продолжает волновать и сегодня. В столкновении добра и зла, подлости и благородства на одной стороне оказывается Морис-мустангер и лесной охотник Зеб

Стумп, этот Шерлок Холмс техасских прерий, по едва приметному следу на траве определяющий, что за человек здесь прошел или проехал, а на другой стороне объединяются наемный убийца Диас по прозвищу Степной волк и Кассий Колхаун, с неизменным пистолетом за поясом — карточный игрок, расист, который тоже был причастен к мексиканской войне и уже там оставил о себе дурную славу.

Если очень захотеть, то в день рождения Томаса Майн Рида можно найти в кинотеатре этот фильм или взять кассету с фильмом в библиотеке.

Многие романы Рида знакомят читателей с жизнью природы в разных частях света. Говоря о народах, населяющих эти земли, писатель далек от натравливания на «дикаря», «краснокожего» или «черномазога». Он умеет вызвать у читателя уважение к ним.

Герои научно-популярных романов и повестей Рида особенно привлекательны. Это охотники, натуралисты, бесстрашные исследователи. Таковы герои романов «Ползуны по скалам», «Охотники за растениями», «Приключения юных буров».

Романы Рида, по меткому выражению одного из российских исследователей, представляют собой «живую географическую энциклопедию». Действие их разыгрывается в самых различных уголках нашей планеты: Южной и Северной Америке, в степях Южной Африки, в горах Азии, в просторах Тихого океана и Австралии, в городах Европы.

Иногда Рид полностью отдавался своим научным интересам. Он создал талантливые научно-популярные книги вроде «Зоологии для детей» или «Популярного описания различных человеческих рас». Наконец, Т.М. Рид — автор исторических романов. Особенно знаменит его роман «Оцеола, вождь семинолов». В нем он рисует борьбу индейского народа против американских колонизаторов. Образ Оцеолы возвышается над всем, что создано писателем. Он сумел почувствовать трагедию коренного населения Америки — индейцев, живущую в них волю к сопротивлению, прославил их свободолюбие и мужество.

Сильны и страницы романа «Мароны», разоблачающие английских работорговцев, обосновавшихся на острове Ямайка. Остров был отнят у испанцев как база для

пиратства и разведения сахарного тростника.

Есть у Рида и романы-утопии. Положительные идеалы писателя выражены в повести «Жилище в пустыне». Семья переселенцев, заброшенная в глухой уголок Калифорнии, вынуждена вести жизнь новых Робинзонов. Но герои не опускаются, своими руками сооружают они жилье, добывают пищу. Маленькая община трудолюбивых людей существует плодами своего труда, ей не нужны деньги, сложное промышленное оборудование.

Писатель и сам пытался создать образцовую земледельческую колонию. Он и дом собирался построить в своем любимом мексиканском стиле. Но писатель был совершенно негодным коммерсантом и вскоре разорился.

У себя на родине Т.М. Рид всегда вызывал настороженное отношение как писатель, сочувствующий угнетенным народам колоний.

Русским читателям он стал известен с 70-х годов XIX века. Даже до революции было издано два собрания сочинений, а в наши дни непрерывно издаются и собрания сочинений, и его отдельные произведения.

**ТАМАРА
ГРИГОРЬЕВНА
ГАББЕ
1903—1960**

В марте 2008 года исполнилось 105 лет со дня рождения Тамары Григорьевны Габбе, известной писательницы, переводчицы сказок Шарля Перро, братьев Grimm, Вильгельма Гауфа, Оскара Уайльда.

Она родилась в Ленинграде, училась в Институте истории искусств, мечтала стать педагогом, создать свою демократическую добрую школу, но случайно попала в детскую редакцию Лениздата, которой в те годы руководил С.Я. Маршак. И стала одним из создателей новой советской детской литературы, редактировала рукописи начинающих писателей, искала новых людей для работы над детской книгой, навсегда стала

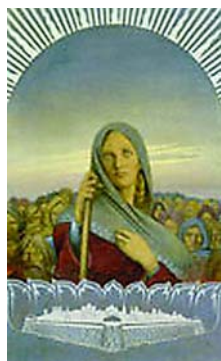
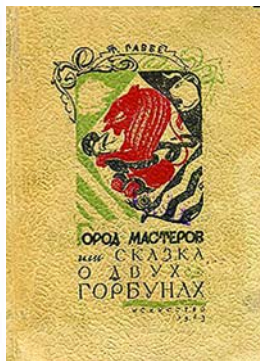
верным другом и помощником С.Я. Маршака.

В 1937 году Тамара Григорьевна была репрессирована, но вскоре благодаря хлопотам Маршака была освобождена.

Пораженный мужеством этой хрупкой женщины, Маршак посвятил ей первое стихотворение (впоследствии он составил целый раздел, посвященный Тамаре Григорьевне, в сборнике «Избранная лирика»):

*Когда, как тёмная вода,
Лихая лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь.*

В театрах страны и сегодня идут ее пьесы-сказки «Город мастеров», «Оловянные кольца», «Солдат и змея», «Хрустальный башмачок».

Худ. К. Васильев.
Авдотья Рязаночка

Особого внимания заслуживает ее сказка «Авдотья Рязаночка», созданная вскоре после окончания Отечественной войны.

Краткая автобиографическая заметка Т. Габбе заканчивается словами: «Пишу новую пьесу — «Сказание об Авдотье Рязаночке». По замыслу это должно быть нечто вроде драматической поэмы о русской женщине, тихой и простой, но сумевшей в тяжелый год вызволить из плена своих сограждан. В этой пьесе мне хотелось бы сочетать отголоски подлинных исторических событий с народной легендой и теми мыслями и чувствами, которые рождает наш сегодняшний день». Перечитывая написанные ею в разное время пьесы, улавливаешь черты самого автора в образах её героинь: Адели, Золушки, феи Мелюзины, но особенно Авдотьи Рязаночки.

Первые годы блокады Тамара Григорьевна провела в осажденном Ленинграде и

выполняла совсем не женскую работу — работала в пожарной бригаде, тушила зажигательные бомбы, падающие на ленинградские крыши, расчищала улицы.

Позднее она писала своему другу Лидии Корнеевне Чуковской: «В ту зиму я поняла с какой-то необыкновенной ясностью, что значат для человека внутренние душевные ресурсы. Непреклонность и терпение могут продлить жизнь человека, могут заставить его ходить, когда ноги уже не ходят, работать, когда руки уже не берут, улыбаться, говорить добрым, нежным голосом даже в последние предсмертные минуты, жестокие в своей неблагообразности».

Когда она во время вражеских налетов попадала в бомбоубежище, она старалась, как могла, успокоить сидящих там детей, развлечь их. Рассказывала им сказки. Сама же она вспоминала об этих днях как о деле обычном, само собой разумеющемся: «Моя работа в области детской литературы приняла своеобразную устную форму: в бомбоубежище я собирала ребят самых разных возрастов и рассказывала им всё, что могла придумать или припомнить для того, чтобы ободрить их и развлечь в эти трудные времена». По словам очевидцев, её устные рассказы так захватывали слушателей, что они неохотно покидали бомбоубежище после того, как радио объявляло долгожданный отбой. Дети и не подозревали, сколько мужества и стойкости нужно было доброй сказочнице, чтобы занимать их затейливыми историями в то время, как над городом кружили стаи вражеских бомбардировщиков, угрожая её дому и всем её близким, находившимся в разных концах города. «И можно не сомневаться, — писал позднее С.Я. Маршак, — что её сказки, придуманные в тревожные минуты воздушных налётов, не носили ни малейшего следа торопливости и волнения, не были похожи на сырой сбивчивый черновик. Ибо всё, что ни делала Тамара Григорьевна, она доводила до предельной стройности и завершенности».

В годы Отечественной войны ею была написана и еще одна очень важная для того времени пьеса-сказка «Город мастеров». Она поддерживала дух людей, напоминая о стойкости человека в разные исторические времена, о патриотизме, об умении бескомпромиссно бороться со злыми сила-

ми, не уступать даже в самых безнадёжных обстоятельствах.

В пьесе-сказке «Город мастеров» восставший народ освобождает Вольный город от чужеземцев. Характеры и мысли в этой пьесе серьезны и значительны, как в настоящем реалистическом произведении искусства. А приключения, имена, костюмы — сказочные.

Сюжет «Города мастеров» построен как настоящий сказочный сюжет. В сказке есть чудеса — волшебный меч, появление зверей-свидетелей. Все эти сказочные чудеса делают пьесу особенно увлекательной, но глубинное значение её гораздо важнее. Душевная красота оказывается выше неприглядности, их смелость, решительность, благородство буквально творят чудеса. Внимательный читатель или зритель разглядит поистине чудесное, что таится в глубоких человеческих чувствах любви, верности, дружбе.

Спектакль состоялся в ноябре 1944 года. С.Я. Маршак рассказывал, как воспринималась детьми кульминационная сцена пьесы: героя сказки, любимца города, веселого метельщика Караколя судят на городской площади. Чужеземные правители, захватившие город, обвиняют его в преступлении, которого он не совершал. Но свидетелей у Караколя нет. Правду знают только три существа на свете, да, к несчастью, они не умеют говорить. Это лев, медведь и заяц. По старинному обычаю Города мастеров, свидетелей, которые могут доказать невиновность подсудимого, глашатаи с длинными трубами в руках выкликают трижды. Никто не отзывается. Т.Г. Габбе пишет: «Народ на площади молчит, огорчённый и подавленный. И вдруг тишину прерывает многоголосый крик. Толпа в смятении раздается, и на площади под гербом города, изображающем льва, медведя и зайца, появляются живые лев, медведь и заяц». Маршак пишет: «Появляются только на один миг, молча. Но этого довольно, чтобы волнение охватило и толпу на площади, и суд, и зрительный зал... Зрители провожают безмолвных свидетелей громкими, дружными, срывающимися как обвал аплодисментами. Так бывало на каждом представлении "Города мастеров". Аплодировали ребята торжеству правды и справедливости».

К.И. Чуковский рассказывал, что его маленький внук просидел эту часть спектакля с закрытыми глазами, крепко зажав их руками. Только когда он убедился, что опасность, грозящая Караколю, миновала, он открыл глаза.

Всю жизнь собирала Тамара Григорьевна материал для сборника русских народных сказок и вместе с писателем Иваном Халтуриным составила сборник «Лукоморье. Сказки русских писателей».

А вместе со своей подругой Александрой Любарской пересказала сказки разных стран в сборнике «По дорогам сказки». Уже после смерти писательницы в Сибири был издан сборник фольклора для взрослых — «Быль и небыль». Она была уверена, что сказка «привлекает смелыми и глубокими обобщениями философского и этического характера и тем особенным сочетанием были и небылицы, волшебства и реальности, которое присуще этому тонкому, сложному и в то же время доступному виду народной поэзии».

И в своих сказках Т. Габбе всегда осуществляла этот принцип: в «Хрустальном башмачке» наряду с волшебством изображается вполне реальный быт с уютами, кочергами, ссорами обитателей дома. В сказке «Про солдата и змею» немало описаний быта рыбацкой избушки, труда рыбаков. И всё это несмотря на то, что солдат Жан переживает ряд самых невероятных, фантастических приключений в поисках своего настоящего счастья: гонится за любовью принцессы, является свидетелем превращения принцессы в змею, становится владельцем кошелька, сыплющего золотые монеты, и плаща, переносящего хозяина в любое место.

Следуя традициям фольклора, писательница смело меняла мотивировки поведения своих героев, для неё было важно, чтобы герой был стойким, защищал свое человеческое достоинство. В сказке «Город мастеров» метельщик горбун Караколь, в отличие от богатых горожан, прислуживающих иноземным захватчикам, не теряет чувства собственного достоинства, держится с «сильными мира сего» свободно и дерзко и не позволяет никому унижать своих соотечественников.

Традиционно в сказках награждаются скромность и трудолюбие, но Золушка

Т. Габбе не просто скромна и трудолюбива. В ней есть гордость, и именно эта гордость не позволяет ей вступать в пререкания с мачехой, но она мгновенно забывает о своей покорности, узнав, что выгнана из дома нищенка, её тетюшка Мелюзина: «Ах, я ничего не боюсь. Боюсь только одного: как бы она не подумала, что я такая же, как вы».

И не волшебство преобразует Золушку, а её душевные качества. Мелюзина объясняет, почему её теперь нельзя узнать: «Да вы никогда и не узнавали её. Она улыбалась только тогда, когда вас не было дома, пела, когда вы её не слышали, танцевала, когда вы её не видели».

В пьесе-сказке «Оловянные кольца» говорится о двух дочерях королевы. Одна из дочерей — Августа — злая, а другую — Алели — принято считать глупой. В сказке много смешного и грустного, есть и приключения: девушек похитили пираты, и здесь проявились характеры их женихов — глупых и трусливых Болталона и Альдебарана.

Только садовник Зинзивер, внешне невзрачный и некрасивый, спас принцесс из лап пиратов. Есть в сказке и оловянные кольца, которые только глупым могут показаться волшебными, на самом же деле они приносят счастье тому, кто его достоин.

Поставьте в день рождения Тамары Габбе отрывок из сказки «Оловянные кольца».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Принцесса АЛЕЛИ
Садовник ЗИНЗИБЕР
Доктор ЛЕЧИБОЛЬ

Картина первая

Сцена несколько секунд пуста. Тихо. Только где-то позвякивают садовые ножницы. Из глубины сада, постепенно приближаясь, звучит песня.

Траву скошу я на лугу,
А у фонтана подстригу.
Газон в саду дворцовом
Быть должен образцовым.

Из-за куста выходит садовник Зинзивер. Его лицо похоже на добродушную клоунскую маску. Рыжие волосы торчат как петушинный гребень. Зинзивер поет и работает.

ЗИНЗИВЕР:

Кусты, деревья быть должны
Одной и той же вышины.
И меж собой похожи,
Как дамы и вельможи.
Но на один и тот же лад
Расти деревья не хотят,
Цветы по-своему цветут,
Кусты по-своему растут.
Не так они покорны,
Как важный штат придворный.
А всё же дуб, и клен, и бук
Умелых слушаются рук.
На то я и садовник,
Чтоб розой стал шиповник.

Кто это нынче здесь всю траву вытоптал? Лошадей сюда пустили, что ли? И цветы помяты (*наклоняется и рассматривает цветы*). Стой? А это что? Колечко! Право, колечко! Видно, обронил кто. Пойти разве отнести помощнику придворного камердинера? (*рассматривает колечко*) Да нет, колечко простое, оловянное. Во дворце таких не носят. Можно, пожалуй, его и себе оставить. На счастье!

(На площадку выбегает Алели. Зинзивер прячется в кустах. Она садится на скамью и, закрыв лицо руками, горько плачет. Зинзивер бесшумно раздвигает ветки и через спинку скамьи бросает ей на колени большое румяное яблоко.)

АЛЕЛИ (*не оглядываясь и тяжело вздыхая*): Спасибо (*принимается есть*).

ЗИНЗИВЕР (*из кустов*): О чём вы плачете? Кто вас обидел?

АЛЕЛИ (*жалобно*): Все! Смеются. Бранят. Что ни скажу, всё не так. Что ни сделаю, всё нехорошо. Неужели я и в самом деле хуже всех?

ЗИНЗИВЕР: Не хуже, а лучше!

АЛЕЛИ: Ой, кто это сказал? Вы что, птица?

ЗИНЗИВЕР: Пожалуй, что и так. Меня зовут Зинзивер. А Зинзивер — это такая маленькая веселая птица из породы синиц. Знаете?

АЛЕЛИ: Теперь знаю. Где же вы? Я хочу посмотреть, что за птица Зинзивер.

ЗИНЗИВЕР: Ох, лучше не надо!

АЛЕЛИ: Почему?

ЗИНЗИВЕР: Если вы увидите меня, вы больше не захотите со мной разговаривать.

АЛЕЛИ: Нет, я захочу. Правда, захочу!

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

(вскакивает с места и вытаскивает Зинзивера из-за кустов). Ой, что это? Зачем вы шапкой себе лицо закрыли?

ЗИНЗИВЕР: Да шапка у меня, пожалуй, получше, чем лицо.

АЛЕЛИ: А вот я посмотрю (отнимает у него шапку) Ой, какой вы смешной! Вы и в самом деле ужасно смешной. Если бы вы себя увидели, вам тоже стало бы очень смешно (громко смеется).

ЗИНЗИВЕР (закрывая лицо руками): Ах, зачем, зачем вы заставили меня показаться вам? Уж пусть бы другие смеялись надо мной, только не вы!

АЛЕЛИ: А кто это смеется над вами?

ЗИНЗИВЕР: Спросите лучше, кто не смеется. Да мне это с полгоря. У меня на каждую шутку есть десять в запасе. И, пожалуй, поострее, чем у них.

АЛЕЛИ: Нет, правда? А почему же вы сейчас не шутите?

ЗИНЗИВЕР (тихо): Мне сейчас не до шутки. Ведь я больше всего на свете боялся, что и вы будете смеяться надо мной, попадись я вам на глаза. Так оно и случилось (круто поворачивается и хочет уйти).

АЛЕЛИ (хватает его за рукав): Пойдите, куда же вы? Да разве я над вами смеюсь? Я просто так смеюсь, потому что на вас смотреть весело. А у нас во дворце на всех смотреть скучно. Понимаете? Мне очень нравится на вас смотреть. Не уходите, пожалуйста.

ЗИНЗИВЕР: Ладно, смотрите на меня, сколько захотите. А я буду смотреть на вас. Ведь я еще никогда не видел вас так близко. Издали вы — как звездочка в небе, вблизи — как солнышко.

АЛЕЛИ: Кто это научил вас говорить такие удивительные слова?

ЗИНЗИВЕР: Вы научили.

АЛЕЛИ: Я? Так ведь я дурочка. Я и говорить как следует не умею.

ЗИНЗИВЕР: Кто это вам сказал?

АЛЕЛИ: Да все говорят. Может, я и на самом деле дура.

ЗИНЗИВЕР: Не может быть! Дуракам и в голову не приходит, что они глупые.

АЛЕЛИ: Нет, правда? А почему же тогда все у нас во дворце считают меня ужасной дурой?

ЗИНЗИВЕР: Вот уж не знаю. Должно быть, вы чем-нибудь не похожи на тех, кто так думает.

АЛЕЛИ: Как это, не похожа?

ЗИНЗИВЕР: Ну, как вам объяснить? Вон на том дворе за решеткой разгуливают куры. Эдакие породистые. Китайские или персидские, что ли. Знаете, с такими высокими резными гребешками вроде маленьких корон?

АЛЕЛИ: Знаю-знаю. Видела.

ЗИНЗИВЕР: Очень важные куры, не правда ли? Ну, а там, под крышей беседки, живут ласточки. Так вот, если бы куры умели говорить, они бы вам сказали, что ласточки ужасные дуры.

АЛЕЛИ: Почему?

ЗИНЗИВЕР: Потому что ласточки летают, а не разгуливают по двору, щебечут, а не кудахчут.

АЛЕЛИ: А ведь верно. Вы это очень забавно сказали. Должно быть, вы очень умный, да? Всё понимаете. И знаете что? Вы совсем уж не такой некрасивый.

ЗИНЗИВЕР: Спасибо на добром слове.

АЛЕЛИ: Нет, правда. Правда! Я даже думаю, что вы довольно красивый. Скажите, а как вы попали к нам в сад? Почему я вас никогда не видела?

ЗИНЗИВЕР: А ведь я тут у вас с малых лет живу.

АЛЕЛИ: Где? В кустах?

ЗИНЗИВЕР: Нет, зачем же. Я хоть и Зинзивер, да не птица. И живу не в кустах, а в маленьком домике возле ограды. Ведь я просто-напросто ваш садовник.

АЛЕЛИ: Вы шутите. Садовника я знаю. Он каждый день приносит нам с Августой розы. Вы на него ничуть не похожи. Он толстый, важный.

ЗИНЗИВЕР: Так то старший садовник, а я младший. Я выращиваю розы и срезаю, а он носит их во дворец.

АЛЕЛИ: А вы не можете с завтрашнего дня приносить их сами?

ЗИНЗИВЕР: Что вы, меня и к дверям не подпустят.

АЛЕЛИ: Почему?

ЗИНЗИВЕР: Да говорят, у меня для дворца вид неподходящий.

АЛЕЛИ: Ну, ладно. Если вас во дворец не пускают, я сама буду каждый день приходить к вам сюда. Мне что-то понравилось с вами разговаривать. Только... только вам, наверное, скучно со мной, ведь я такая глупая.

ЗИНЗИВЕР: Мне? Скучно с вами? Да что

это такое вы говорите? Да я никогда в жизни не был так счастлив, как сегодня.

АЛЕЛИ: Счастлив? Какое хорошее слово! Я, кажется, тоже немножко счастлива. Но мне надо идти, а то матушка сердиться будет. Смотрите, уже совсем темно, даже луна взошла. Как мне завтра найти вас?

ЗИНЗИВЕР: Да я всегда тут, в саду.

Кадр из художественного фильма «Кольцо Альманзора». Светлана Смирнова, Валентина Тальзина, Людмила Дмитриева

Картина вторая

АЛЕЛИ: Нет, надо отсюда бежать! Я глупее всех и ничего никому не могу объяснить. Только один Зинзивер понимал, что я говорю. А теперь его нет, и я никогда не узнаю, что с ним стало (*закрывает лицо руками*). Ах, Зинзивер, Зинзивер!

ЗИНЗИВЕР (*выходя из-за кустов*): Вы звали меня, Алели?

АЛЕЛИ (*вскакивая с места*): Не может быть! Это, наверное, мне снится (*по-детски трёт глаза руками*).

ЗИНЗИВЕР: Да нет, это же я! Честное слово, я!

АЛЕЛИ (*бросается ему на шею*): Зинзивер! Мой милый, хороший! Самый лучший! А я уж думала, что никогда тебя не увижу. И так плакала, так плакала!

ЗИНЗИВЕР (*нежно*): Ну, а сейчас-то зачем плакать?

АЛЕЛИ: Просто я не могу перестать. Рада очень. Мой добрый, мой храбрый, мой красивый Зинзивер!

ЗИНЗИВЕР: Ну уж и красивый! Это вы самое прекрасное существо на свете.

АЛЕЛИ: А ты можешь увести меня отсюда?

ЗИНЗИВЕР: Увести? Куда это?

АЛЕЛИ: Всё равно. Мне непременно нужно убежать отсюда. Потому что матушка хочет, чтобы мы с Августой обручились с этими глупыми и нечестными принцами. Им ведь только нужно моё колечко. Но уж лучше я тебе его подарю.

ЗИНЗИВЕР: Спасибо, Алели. Вы такая добрая. Но откуда у вас это кольцо?

АЛЕЛИ: Старичок один подарил. Он сказал, что это кольцо волшебное. А я не знаю, какие кольца волшебные, а какие нет. А ты не знаешь?

ЗИНЗИВЕР: И я не знаю. Слышал, будто волшебные кольца помогают найти клад.

АЛЕЛИ: Ну, значит, у меня волшебное.

ЗИНЗИВЕР: Какой же клад вы отыскали?

АЛЕЛИ (*показывая на него*): А вот какой!

ЗИНЗИВЕР: Ну, если так, то у меня есть кольцо еще волшебнее вашего. Мой клад в тысячу раз лучше.

АЛЕЛИ: А где он?

ЗИНЗИВЕР (*взяв её за руку*): А вот.

АЛЕЛИ: Ну уж и клад! Глупая девчонка, только и всего!

АЛЕЛИ: Не смейтесь, Алели. По правде сказать, не думал я, что моё простое оловянное кольцо окажется волшебным. Ну, да уж раз это так, позвольте подарить его вам.

АЛЕЛИ: Значит, меняемся?

ЗИНЗИВЕР: Значит, меняемся.

Меняются кольцами. Алели выходит на залитую лунным светом площадку. Зинзивер остаётся в тени.

АЛЕЛИ (*мгновение стоит неподвижно, точно прислушиваясь к чему-то, потом медленно оглядывается, словно впервые замечая окружающее*): Что такое? Будто светлее стало.

ЗИНЗИВЕР: Это луна поднялась.

АЛЕЛИ: Нет, не то. Всё стало какое-то другое, новое. Да подойди же ко мне. (*Зинзивер подходит.*) И ты совсем другой.

ЗИНЗИВЕР: Хуже или лучше?

АЛЕЛИ: Красивее. Только голос у тебя такой же, как был. И глаза прежние. Я очень рада, что прежние, а то бы я тебя не узнала. Хочешь посмотреть на себя? Вот у меня зеркальце.

ЗИНЗИВЕР (*заглядывая в зеркальце*): Да я и сам себя не узнаю. Что это со мной случилось? Отчего это я так переменялся? От кольца или от счастья? Да нет, неужели это я, садовник Зинзивер?

АЛЕЛИ: А кто же? Если бы это был не ты, я бы тебя не любила. Ты тот самый Зинзивер, который так терпеливо и ласково разговаривал с маленькой дурочкой Алели, который готов был заплатить за её жизнь своей жизнью... Ах, как я тебе благодарна, как счастлива!

ЗИНЗИВЕР: А я еще счастливее. Ты сказала «если бы это был не ты, я бы тебя не любила». Скажи мне ещё раз эти слова!

АЛЕЛИ: Это ты, и я люблю тебя.

ЗИНЗИВЕР: Красавица моя! Любовь моя! Прекрасное моё горе!

АЛЕЛИ: Почему горе?

ЗИНЗИВЕР: Они не поверят тебе. Не захотят поверить!

АЛЕЛИ: Да, до сих пор моим словам никогда не верили. Но знаешь, мне почему-то кажется, что я уже не прежняя Алели. Как будто я проснулась вдруг... Или выросла. Будь что будет, но я не уступлю своего счастья.

ЗИНЗИВЕР: Ну так и я своего не уступлю!

Доктор ЛЕЧИБОЛЬ: Когда человек хорошеет, это заметно всякому, а когда он умнеет, это видят далеко не все, а только тот, кто сам умён. Не чудеса сделали Алели умной. Любовь и борьба за эту любовь сделали ее взрослой.

Тамара Григорьевна хорошо знала иностранные языки — английский и немецкий. И хоть она не была переводчиком, оставила замечательную книгу для малышей — пересказ романа Д. Свифта «Приключения Гулливера».

В этом пересказе трудно проследить воплощение всех принципов, которые она исповедовала, работая над своими пьесами.

Стремясь сделать роман Д. Свифта более занимательным и понятным младшим школьникам, она переводит рассказ самого Гулливера в третье лицо, играет с читателями там, где это возможно. Например, в переводе дана опись вещей, найденных лилипутами у Гулливера: обыскивающие описывают предмет и догадываются о его назначении. В пересказе Т. Габбе читатель сам должен догадаться, что это такое. Получается нечто вроде загадок и отгадок. Только отгадки даны через несколько страниц: называются вещи, которые отбирают лилипуты.

Там, где это возможно, Габбе сохраняет сатирическое звучание романа: в переводе сцена забав при императорском дворце, пляска министров на канате и упражнения с палкой даны как беспристрастный рассказ

очевидца: кто исполнит все описанные упражнения с большей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыгании и лазании, тот получает синюю нить для ношения на поясе, красная дается второму по ловкости, а зеленая — третьему.

Автор пересказа придумывает всего два слова: «ПРЫГУНЫ» и «ПРОЛАЗЫ», и дети легко воспринимают иронию Свифта: «Лучшие прыгуны и пролазы получили от императора в награду синюю, красную и зеленую нитку для ношения вокруг пояса. ПЕРВЫЙ ПРОЛАЗА Флимнап получил синюю нитку».

Тамара Григорьевна не просто перевела произведение с одного языка на другой, она пересказывала книжку по-своему, но не потому что ей так хотелось, она сделала произведение доступнее для детей.

Вот только еще один пример: Гулливер попал к великанам, его посадили не за стол, потому что он был маленьким и новые хозяева хотели им больше любоваться, а на стол. Если бы Гулливер сам излагал события, ему было бы неловко показать, что он струсил, но ведь у Габбе автор сам рассказывает о своем герое, поэтому можно откровеннее говорить об его чувствах: «Вдруг он услышал у себя за спиной какой-то сильный шум. Такой мерный, густой рокот можно было услышать в чулочных мастерских, когда там работает не менее десяти машин разом.

Гулливер оглянулся, и сердце у него

сжалось. Он увидел над столом огромную, страшную морду какого-то хищного зверя. Зеленые яркие глаза то лукаво шурились, то жадно открывались. Воинственно торчали в стороны длинные пушистые усы. Кто это? Рысь? Бенгальский тигр? Лев? Нет, этот зверь в четыре раза больше самого большого льва!

Осторожно выглядывая из-за тарелки,

Гулливвер рассматривал зверя. Смотрел-смотрел и, наконец, понял: это кошка! Обыкновенная домашняя кошка! Она взобралась на колени к хозяйке, и хозяйка гладит её, а кошка разнежилась и мурлычет.

Ах, если бы эта кошка была такая же маленькая, как все кошки и котята, которых видел Гулливвер у себя на родине, он бы тоже ласково погладил её и пощекотал за ушками. Но осмелится ли мышка щекотать кошку? Гулливвер уже хотел спрятаться куда-нибудь подальше: в пустую миску или чашку, но, к счастью, вспомнил, что хищные звери нападают на того, кто их боится, и боятся того, кто сам нападает. Эта мысль вернула Гулливверу смелость. Он положил руку на эфес шпаги и шагнул вперед».

Самуил Яковлевич Маршак утверждал, что лучшим произведением Тамары Габбе «была её собственная жизнь».

Вера Смирнова, известная писательница и литературный критик, вспоминала, что Тамара Григорьевна тридцать лет была первым редактором С.Я. Маршака, редактором негласным, неофициальным, другом, чей слух и глаз были нужны поэту почти ежедневно, без чьей «санкции он не выпускал ни строчки».

В письме Корнею Ивановичу Чуковскому Маршак писал: «Она была человеком светским и свободным, снисходительным к слабостям других, а сама подчинялась какому-то строгому и непреложному внутреннему уставу, а сколько терпения, стойкости, мужества в ней было, это по-настоящему знают только те, кто был с ней в последние дни и недели».

Когда Самуил Яковлевич подарил Тамаре Григорьевне сборник сонетов Шекспира в своем переводе, он в конце книги собственноручно написал ей собственный «последний сонет»:

*У вдохновенья есть своя отвага,
Свое бесстрашье, даже удалство.
Без этого поэзия — бумага,
И мастерство тончайшее мертво.
Но если ты у боевого стяга
Поэзии увидишь существо,
Которому к лицу не плащ, не шпага,
А шарф и веер более всего,
То существо, чье мужество и сила*

*Так слиты с добротой, простой и милой,
А доброта, как солнце, греет свет, —
Такою встречей можешь ты гордиться
И перед тем, как навсегда проститься,
Ей посвяти последний свой сонет.*

Лидия Корнеевна Чуковская, много лет дружившая с Тамарой Григорьевной, неоднократно подчеркивала её особые душевные качества: «Её способность понимать людей — удивительна. Я не видела человека, который в своих суждениях о людях в такой степени учитывал бы разницу между ними и с такой ясностью понимал бы право каждого быть устроенным “не так”. На каждого человека она смотрит со снисходительностью и зоркостью, пытаясь найти определение именно для этой, совершенно особенной в своем роде душевной конструкции».

И в то же время, утверждает Лидия Корнеевна, она ни в коей мере не была добренькой, и вспоминает, в какую ярость привела Тамару Григорьевну речь одного чиновника, который выступал против творческого отношения к сказке: «За все годы, что я её знаю, я не слышала от неё более блистательного выступления. Она взорвалась как бомба, не теряя при этом в пылу и жару ни находчивости, ни последовательности, ни убедительности. Она быстро взмахивала — как всегда во время речи кистью правой руки, и оттуда сыпались примеры, насмешки, зоилиады, обобщения».

Кстати, этот характерный жест — особый взмах руки — неоднократно вспоминали и другие друзья Т. Габбе.

«Была у Тамары Григорьевны черта, отличавшая её от всех. Говорила она быстро и словно подтверждая каждое свое слово каким-то энергичным круговым взмахом кисти руки» (А. Любарская).

Много лет спустя, уже после смерти Тамары Григорьевны, Маршак писал в своих стихах:

*А была ты и звонкой, и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.*

Та же Л. К. Чуковская вспоминает удивительное свойство Тамары Григорьевны успокаивать боль, снимать с плеч тяжесть. И не успокоениями, «а тем, что вдруг открываются перед тобой перспективы, перед которыми твои горести — мелки».

Особое отношение было у Тамары Григорьевны к детям. Она часто говорила Лидии Корнеевне, что та хорошо воспитывает свою дочь.

— Да она от природы хорошая. Я её никак не воспитываю, — отмахивалась я.

— Нет, воспитываете. Вы каждый её поступок, дурной или хороший, показываете своим гневом или похвалой как бы в зеркале. Так и надо. Надо, чтобы растущий человек постоянно видел свое отражение

в этическом зеркале. Сама собой растет только сорная трава — культурные растения требуют ухода».

Всю жизнь Тамару Григорьевну и Самуила Яковлевича Маршака связывала нежная дружба. Будучи уже старым и больным, Маршак почти не покидал свою умирающую подругу, долгими часами просиживал у её постели, ненадолго уезжал к себе и снова возвращался в клинику.

Существует поговорка: «Человек умирает только тогда, когда о нем некому больше вспомнить». Вспоминая сегодня Тамару Григорьевну Габбе, мы как бы продлеваем её жизнь, а читая её книги, делаем эту жизнь еще длиннее и благороднее.

Мария АНДРЕЕВА,
научно-методический центр
Восточного окружного управления образования, Москва
Марина КОРОТКОВА,
библиотека Центра развития творчества детей и юношества
им. А.В. Косарева, Москва

«В Стране Фантазий, и Проказ, и озорных Затей...»

**СЕРГЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
МИХАЛКОВ**
родился в 1913 году
**К 95-летию
со дня рождения**

Сергей Владимирович Михалков родился 12 марта 1913 года в Москве.

Писать стихи начал рано.

Вместе с перочинным ножиком, рогаткой и другими «бесценными» для всех мальчишек предметами хранилась у него в сумке общая тетрадь с начисто переписанными первыми стихотворениями. Была среди них и басня. Она называлась «Культура», и речь в ней шла о том, что «людям луч-

ше помогать не только словом, но и делом». Серёже Михалкову было тогда 10 лет.

В 17 лет Сергей Михалков окончил школу. Он продолжает писать стихи, и иногда их печатают.

Прежде чем стать профессиональным писателем, Михалков работал на Московско-рефторной ткацко-отделочной фабрике, принимал участие в геолого-разведочной экспедиции в Восточный Казахстан и на Волгу. Постепенно стихи Михалкова стали всё чаще появляться в столичной печати, песни, написанные на его стихи, исполнялись на эстраде, а в 1935 году в журнале «Пионер» была опубликована поэма «Дядя Стёпа», принесшая ему большую известность. В следующем 1936 году поэма была включена в книгу С.В. Михалкова «Стихи» и в